

КРАСНЫЙ ПЕСОК

Максим Козлов
Красный песок

«Автор»

2026

Козлов М.

Красный песок / М. Козлов — «Автор», 2026

2035 год. Марс. Международная миссия «Терра-Нова» терпит крушение из-за непросчитанной солнечной вспышки. База разрушена. Связи с Землёй нет. Запас кислорода на восемнадцать месяцев. Выживает пятеро. Им нужно построить новый корабль из обломков двух посадочных модулей, чтобы успеть вернуться до того, как наступит глобальная пылевая буря. У них есть инженер, врач, пилот, геолог и биолог. У них есть инструменты, топливо и время. Но среди них есть предатель. Кто-то саботировал миссию ещё на Земле. Кто-то убивает остальных под видом несчастных случаев в космосе. И пока они чинят двигатели и паяют провода, убийца ждёт своего часа. Это не история о героизме. Это история о том, как люди убивают друг друга даже на Марсе. И о том, что правда стоит дороже, чем возвращение домой. Жёсткий минималистичный роман о выживании, предательстве и цене, которую платят те, кто не хочет молчать.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пустота, в которой не молятся	5
Глава 2. Красный песок	13
Глава 3. Сломанные вещи	21
Глава 4. Тишина перед полётом	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Максим Козлов

Красный песок

Он не прощает надежды. Марс не прощает ошибок. Он не прощает слабости.

а кто улетит. Но иногда — иногда — он отпускает. Не потому, что добрый. А потому, что красной пыли всё равно, кто на ней умрёт, который не вытряхнуть до конца. Эта книга — не о героях. Она о тех, кто выжил. И о тех, кто не выжил, но остался в памяти, как остаётся в скафандре марсианский песок — мелкий, колючий,

Из которых вернулись двое. Посвящается экипажу «Терра-Нова». Шестерым.

Но правду рассказал один.

Глава 1. Пустота, в которой не молятся

Они пришли в себя в темноте.

Темнота была не как на Земле. Не та, к которой глаза привыкают через пару минут и начинают что-то различать. Это была темнота герметичного отсека без окон, в котором отказало вообще всё, кроме памяти. Пахло горелым пластиком, озоном как после грозы, и чем-то сладким — это плавилась изоляция проводов при коротком замыкании. Тишина стояла такая плотная, что слышно было как кровь стучит в висках. Бум-бум. Бум-бум. Как метроном.

Первым открыл глаза Шэн. Он лежал на боку, прижавшись щекой к холодному полу — так плотно, что потом там остался красный след. Пол был рифлёный, алюминиевый, и щека затекла так что он ее почти не чувствовал. Пошевелил пальцами на правой руке — работают. На левой — тоже. Ноги — нет. Сначала даже испугался, но потом заставил себя подождать минуту. Потом еще минуту — просто лежал и считал до шестидесяти, как учили на тренировках. Ноги начали покалывать, сначала слабо, потом сильнее. Это хороший знак: значит спинной мозг цел, просто отлежал.

— Кто-нибудь жив? — спросил он вслух.

Голос прозвучал глухо, как из бочки. Воздух был тяжелый, спертый. Слишком много углекислоты — он знал этот вкус по тренировкам в барокамере, там их специально заставляли сидеть при повышенном СО₂ чтобы научиться распознавать симптомы. Сначала начинает болеть голова, причем как-то странно — не остро, а тупо, обручем вокруг лба. Потом темнеет в глазах, потом человек засыпает и уже не просыпается. Без паники, без мучений — просто засыпает.

— Я жива, — ответил женский голос откуда-то справа. — Но я не вижу тебя. И не могу поднять руку. Она как будто чужая.

— Анна?

— Да. Кажется у меня сломана ключица. Или плечо — не пойму точно. Больно дышать, каждый вдох как ножом.

Шэн осторожно приподнялся на локте. Голова закружилась сразу, как будто он не лежал а бежал кросс. Уперся ладонью в холодный пол и просидел так несколько секунд, пока мир не перестал вращаться и встал на место. В полной темноте не было разницы — закрыты глаза или открыты, картинка одна и та же: чернота. Он нащупал на поясе аварийный фонарь — маленький такой цилиндр, который всегда пристегнут к скафандру на карабине. Скафандр был на нем и это хорошо. Плохо было то что шлем он снял — наверно когда они уже вошли в базу перед ударом. Или когда база начала разваливаться, он уже не помнил точно.

Нажал кнопку на фонаре.

Свет ударил жестко, белый и беспощадный, как операционная лампа. Шэн зажмурился до рези в глазах, потом осторожно открыл. Отсек был разрушен сильно — потолок накренился под углом градусов тридцать, одна стена отсутствовала вообще, вместо нее зияла рваная дыра затянутая мутной марсианской пылью которая еще не осела после удара. Пыль висела в воздухе мелкой красной взвесью, как туман. Дышать ею было нельзя категорически — легкие наполнились песком и начинали кровоточить.

— Шлемы наденьте, — сказал он тихо но командно. — В воздухе пыль, она кварцевая. Режет легкие изнутри как наждаком. Кто без шлема — наденьте сейчас же.

Анна лежала метрах в трех от него. Ее скафандр был вроде цел, но шлем валялся отдельно — откатился к стене и лежал там как футбольный мяч. Она смотрела на Шэна белыми от боли глазами — не белыми в смысле белками, а бледными какими-то, выцветшими. Лицо было в красной пыли, губы потрескались до крови. Она была хорошим инженером, Шэн знал ее пять лет, они вместе проходили подготовку в Хьюстоне. Она никогда не плакала, даже когда сломала палец на тренировке.

— Помоги мне, — сказала она тихо. — Я не могу сесть сама.

Он подполз к ней на коленях. Плечо Анны действительно было сломано — левое плечо неестественно вывернуто наружу, ключица приподнята под кожей как крыло. Он осторожно взял ее за правую руку и помог сесть, стараясь не задеть больное место. Она закусила губу так что побелели зубы, но не закричала — только выдохнула сквозь зубы длинно и тонко. Это было сильно, по-хорошему.

— Где твой шлем?

— Там, у стены.

Он принес шлем, стряхнул с него красную пыль. Нашел на скафандре Анны разъем, подключил систему жизнеобеспечения. Загорелся зеленый индикатор — кислород пошел. Она вдохнула полной грудью, глубоко, и закрыла глаза на секунду.

— Еще кто-то есть, — сказала она не открывая глаз. — Я слышала дыхание пока ты меня поднимал. Двое. Может, трое.

Шэн поднял фонарь повыше и повел лучом по отсеку.

База «Терра-Нова» была рассчитана на восемь человек экипажа. Восемь контейнеров соединенных герметичными тоннелями-гармошками. Теперь вместо контейнеров была груда искореженного металла, перемешанного с марсианским реголитом. Солнечные панели разлетелись в щепки. Отражатель связи — огромная тарелка диаметром двенадцать метров — лежала на боку, врезавшись в склон кратера. Антенна сломана под корень. Это он понял сразу как увидел.

Он заметил тело у дальней стены. Человек лежал ничком, лицом в пол. Скафандр порван в нескольких местах — острый обломок композитной панели вошел в спину и застрял там как копьё. Крови не было. В вакууме кровь ведет себя не так, она закипает и испаряется почти мгновенно. Но здесь был не вакуум — здесь была дыра, и воздух ушел, а потом возможно пришел обратно когда что-то заклинило в переборках. Шэн не хотел думать об этом.

Он подошел поближе. Перевернул тело. Это был Мигель, испанский геолог. Тридцать два года, вечно улыбался. Любил рассказывать дурацкие анекдоты про НАСА и шутить что русские всё делают изолентой и матерным словом. Теперь он не шутил. Глаза были открыты и в зрачках — красная пыль, тонким слоем.

— Мигель мёртв, — сказал Шэн. Громко, чтобы слышали те кто мог еще дышать где-то там в темноте.

Никто не ответил.

Он пошел дальше, перешагивая через обломки. Через поваленный стеллаж на котором раньше лежали инструменты — теперь они валялись на полу как рассыпанные спички. Обогнул

консоль управления которая висела на одних проводах, качаясь и искря. Нашел второго. Тот сидел прислонившись спиной к остаткам переборки, голова свешена на грудь. Шлем был на нем, визор треснул но держался. Кислородная магистраль была перебита — шипел воздух, медленно но верно выходя наружу через дырку в шланге.

Шэн опустил на колени перед ним, заглянул в треснувший визор.

— Кадзу?

Японец не отвечал. Глаза его были закрыты, но грудь двигалась — он дышал, и это было главное. Шэн нашел место разрыва: тонкий пластиковый шланг, который можно было зажать пальцами. Зажал. Второй рукой потянулся к своему поясу, нащупал ремонтный набор в плоском футляре. Изолента. Всё как говорил Мигель — русские делают изолентой. Он замотал шланг в три слоя, туго. Шипение прекратилось, стало тихо.

— Кадзу, ты меня слышишь?

Тот открыл глаза. Медленно — сначала один глаз, потом второй, как будто проверял работает ли. Взгляд был осмысленным, сфокусировался на лице Шэна. Это было важно: когда человек теряет сознание от гипоксии, он может проснуться дураком. Буквально — мозг без кислорода умирает быстро. Кадзу не проснулся дураком.

— Что случилось? — спросил он хриплым голосом, но спокойно. Кадзу был пилотом, а пилоты не паникуют — это их работа.

— Солнечная вспышка, — сказал Шэн. — Не просчитали, модель дала ошибку. Всплеск электромагнитного излучения накрыл нас на подлете. Всё что не было экранировано — сгорело. Мы потеряли управление на входе в атмосферу. Удар был жесткий.

— Модули?

— Два посадочных модуля. Я их еще не видел снаружи. Но база разрушена полностью. Мигель мёртв.

Кадзу закрыл глаза. Не для того чтобы заплакать — он пересчитывал что-то в уме. Шэн знал этот взгляд, так считают пилоты: запасы топлива, запасы кислорода, запасы времени. У них этому специально учат.

— Нас было шестеро, — сказал Кадзу не открывая глаз. — Мигель — это один. Кто еще?

— Я, ты, Анна. Ее я нашел, она жива. Сломана ключица, но в сознании и сообщает нормально.

— Еще двое.

— Да. Чан и Стивенс. Я их пока не нашел.

Кадзу попытался встать, опираясь на стену. Не получилось — его левая нога была неестественно вывернута в колене, не сломана к счастью, но растянута так что стоять было невозможно. Шэн помог ему сесть обратно, подложил под спину какой-то обломок поролона.

— Иди ищи их, — сказал Кадзу. — Я посижу здесь, я никуда не денусь.

Шэн оставил ему фонарь, взял запасной из аварийного ящика. И пошел в темноту, подсвечивая себе путь узким лучом.

Разрушенная база напоминала кораблекрушение на дне океана — всё было перекручено, перемешано, раздавлено какой-то чудовищной силой. Герметичные переборки которые должны были выдерживать полторы атмосферы давления лежали на боку как карточные домики. Пол по которому он шел был когда-то потолком — он узнал это по маркировке. Зеленые полосы означали жилой модуль, синие — лабораторный. Теперь зеленое было вперемешку с синим, и то и другое — покрыто красной пылью.

Чана он нашел минут через десять.

Чан лежал под обломком солнечной панели. Панель была легкой — углепластик, всего несколько килограммов веса. Но упала она так неудачно, что придавила его за ноги, причем зажала именно в том месте где не подлезть. Чан не мог выбраться сам, как ни дергался. Он

не кричал, не звал на помощь — просто лежал и смотрел в потолок которого больше не было. В небо то есть.

— Шэн, — сказал он когда увидел свет. Голос ровный, как на совещании. — Ты жив.

— Жив. А ты как?

— Ноги целы вроде. Но я не могу вытащить их сам, панель застряла между обломками.

Шэн уперся плечом, приподнял панель — она была легкой, как он и думал. Чан вытащил ноги. Ботинки целы, скафандр не порван, повезло. Медленно поднялся, отряхнул с себя красную пыль. Чан был геологом, как Мигель, но более живучим. Мигель любил шутить, а Чан любил молчать и делать дело. Теперь Мигель не будет шутить.

— Где Стивенс? — спросил Чан.

— Не знаю, ищем.

— Стивенс была в командном отсеке когда начало рушиться. Она пыталась включить аварийный маяк, я слышал ее голос по внутренней связи перед тем как всё отрубилось.

— Бесполезно, — сказал Шэн. — Солнечная вспышка сожгла передатчики. Маяк не работает. Вообще никакая связь не работает.

Чан кивнул. Он не стал спрашивать как теперь быть и как они будут возвращаться на Землю. Он понимал что задавать такие вопросы сейчас — это тратить кислород на пустые слова.

Стивенс нашли последней.

Она была в тамбуре — в шлюзе который соединял базу с поверхностью Марса. Шлюз был разрушен наполовину: внешняя дверь отсутствовала вообще, внутренняя была заклинена намертво. Стивенс застряла между ними в пространстве размером с гроб — ни вперед ни назад, ни сесть ни встать толком. Она стояла прижавшись спиной к стене, скафандр цел, шлем на месте. Но на визоре была трещина — длинная, тонкая, как человеческий волос. Через нее выходил воздух, тоненько так свистел.

Она была в сознании. И она молилась — губы шевелились быстро-быстро.

Шэн не слышал слов через визор, только видел как двигаются ее губы. Стивенс не была религиозной — по крайней мере никогда об этом не говорила за все время подготовки. Но там, в темноте, между двух дверей, когда воздух уходит из скафандра по волосяной трещине, люди вспоминают всё чему их учили в детстве.

— Стивенс, — сказал Шэн через визор, прижавшись шлемом к стене чтобы она услышала. — Мы тебя вытащим, потерпи.

Она открыла глаза. Перестала шевелить губами. Посмотрела на него долгим, спокойным каким-то взглядом — даже слишком спокойным для такой ситуации.

— Нет, — сказала она. — Не вытаскивайте. Дверь заклинена намертво, я уже пробовала. У тебя нет инструментов чтобы ее открыть, только руки. А если бы и были — у меня воздуха минут на двадцать от силы. Ты потратишь их на попытки, а я все равно умру. Не надо.

Шэн уперся плечом в дверь — не помогло. Чан встал рядом, они нажали вместе — дверь даже не скрипнула.

— Уйди, — сказала Стивенс. — Ты нужен остальным. Анна ранена, Кадзу не ходит. Я здесь лишняя, пойми.

— Ты не лишняя, — сказал Шэн.

Она улыбнулась. Улыбка была кривая и страшная, потому что через трещину в визоре выходил воздух и губы уже начали распухать от декомпрессии — это когда давление падает и ткани расширяются.

— Я биолог, — сказала она тихо. — Моя работа — изучать марсианскую жизнь. Ее здесь нет, мы это знаем. Значит моя работа была бесполезна с самого начала. А ты инженер. Ты должен строить корабль чтобы остальные выбрались. Иди строй.

Она сняла шлем.

Шэн отвернулся — не мог смотреть. Чан не отвернулся. Он смотрел как она делает это спокойно, будто снимает шляпу входя в дом. Воздух вырвался из скафандра с тихим свистом. Стивенс закрыла глаза и ее лицо покрылось инеем — быстро, за три секунды. Марсианская пыль осела на щеках красным слоем, как румяна.

Она не молилась больше. Она умерла.

Чан молчал. Шэн молчал. Они стояли в разрушенном тамбуре и смотрели на мертвого биолога который сказал им идти строить корабль. В марсианской гравитации тело не падает резко — оно медленно оседает, как перо. Стивенс осела на пол, скафандр потерял форму. Внутри никого не было.

— Их двое теперь, — сказал Чан бесцветным голосом. — Мигель и Стивенс. Нас четверо.

— Кадзу, Анна, ты и я.

— Четверо.

— Да.

Они вернулись в центральный отсек. Кадзу сидел там же где его оставили, Анна сидела рядом с ним — она доползла сама, волоча сломанную руку и морщась при каждом движении. У нее были силы на это, у нее были силы на многое.

— Стивенс умерла, — сказал Шэн когда сел на обломок переборки.

Никто не спросил «почему». Все и так знали почему. Зачем спрашивать.

Они сидели вчетвером в разрушенной базе на Марсе, в двухстах миллионах километров от Земли. И это не та цифра которую можно представить — двести миллионов километров, это как облететь Землю по экватору пять тысяч раз. Связи не было никакой — ни с Землей, ни со спутниками, ни даже друг с другом кроме как через визоры. Оборудование уничтожено на девяносто процентов. Запас кислорода — восемнадцать месяцев если верить датчику который Шэн нашел на поврежденной консоли. Датчик был треснут, но работал. Он показывал давление: 0,6 атмосферы. Мало для комфортного дыхания, но достаточно чтобы не надевать шлемы каждую минуту и экономить кислород. Пыль постепенно оседала, воздух становился чище.

— Нам нужен план, — сказала Анна. Она говорила сквозь боль тихо и ровно. Сломанная ключица это больно, очень больно при каждом вдохе, а дышать надо постоянно. Анна не жаловалась ни разу.

— План есть, — сказал Шэн. — Мы строим корабль.

— Из чего? — спросил Кадзу. — Тут всё в руинах.

— Из обломков. У нас было два посадочных модуля, они где-то снаружи. Вспышка ударила по ним так же как по базе. Но двигатели, возможно, целы. Топливо — возможно, цело. Системы жизнеобеспечения — возможно, можно восстановить частично.

— Три «возможно», — сказал Кадзу. — Это не план, Шэн. Это надежда. Молитва.

— Хорошо, давай так. План такой: мы выходим на поверхность, осматриваем модули, составляем список того что можно использовать. Потом строим из этого новый корабль. Мы инженеры, мы умеем строить. Нас этому пять лет учили.

— Я не инженер, — сказала Анна. — Я медик. Могу перевязать, вправить, вылечить. Но строить корабли — нет.

— А я биолог, — сказал Кадзу. — Точнее был. Стивенс была биологом, я был пилотом. Я умею летать на кораблях, а не строить их из мусора.

— Научишься, — сказал Шэн. — Здесь все научатся тому чего не умели. Другого выхода нет.

Он встал. Ноги тряслись — не от слабости, от адреналина который кончался и оставлял после себя звенящую пустоту в теле. Подошел к аварийному люку. Люк был деформирован, но открывался — клинило правую петлю, но левая работала. За ним — марсианская поверхность: красная, бесконечная, абсолютно пустая. Температура — минус шестьдесят по Цельсию, и это днем. Ветер — если это можно назвать ветром, так — движение разреженного воздуха — нес

пыль. Солнце стояло низко над горизонтом, маленькое и бледное, как старая монета на дне колодца.

Он надел шлем, проверил герметизацию — загорелись зеленые огоньки по контуру визора. Открыл люк.

Марс встретил его такой тишиной, какой на Земле не бывает вообще никогда. Там всегда что-то шумит: ветер, листья, машины, птицы, люди, вода в трубах. Здесь не было ничего — только шипение собственного дыхания в шлеме и хруст реголита под тяжелыми ботинками. Хрусть. Хрусть. Хрусть.

Посадочные модули стояли метрах в двухстах друг от друга. Шэн узнал их по очертаниям: «Икар-1» и «Икар-2». Первый был китайско-американский, второй — европейско-российский. Оба лежали на боку как подстреленные звери. Оба были разбиты, но один — тот что ближе — разбит сильнее. Его корпус пробит насквозь каким-то обломком, двигатель торчал наружу как сломанная кость.

Шэн подошел ближе, включил фонарь на шлеме. Заглянул внутрь через пробоину в корпусе.

Внутри было темно и пусто. Не пусто в смысле «нет вещей» — пусто в смысле «здесь никогда больше не будет жизни». Топливные баки были целы — он увидел их в углу, два цилиндра покрытых инеем. Криогенное топливо: жидкий водород и жидкий кислород. Они сохранились, это было почти чудо. Или не чудо, а просто хорошая конструкция с двойными стенками.

Он полез внутрь через пробоину, цепляясь за рваные края металла.

Отсек управления был разрушен. Консоли вырваны с корнем, провода висят как внутренности. Кресла пилотов пусты — экипаж был в базе во время удара. Но одно кресло не было пустым. В нем сидел человек.

Шэн замер на месте.

Человек был в скафандре: шлем надет, визор закрыт. Но сквозь пыльный пластик было видно лицо — знакомое лицо. Шэн не сразу вспомнил имя, потом вспомнил: Коэн. Американский инженер, специалист по двигательным установкам. Он должен был быть на «Икаре-2». Но оказался здесь, в «Икаре-1», причем мертвый.

— Коэн? — спросил Шэн на всякий случай, хотя знал что ответа не будет.

Человек не ответил.

Шэн подошел ближе, дотронулся до плеча скафандра. Тело качнулось — оно было легким, в марсианской гравитации всё легкое. Но качнулось оно так как качается пустой мешок. Коэн был мёртв. И мёртв он был давно — не сегодня во время вспышки, а раньше. Потому что на визоре его шлема была надпись. Кто-то написал ее изнутри, пальцем по запотевшему пластику — буквы кривые, неровные.

«Они не хотели чтобы мы вернулись».

Шэн прочитал надпись дважды. Потом трижды. Буквы расплывались перед глазами. Он почувствовал холод внутри, который не имел отношения к температуре за бортом. Потом услышал как за спиной хрустнул реголит — кто-то шел по поверхности.

Он резко обернулся.

Никого не было. Только марсианская пустыня, красная до самого горизонта, и камни, и пыль. И следы. Следы его собственных ботинок которые он оставил по пути от базы. И еще чьи-то следы. Не его, не Чана, не Анны, не Кадзу. Четвертые следы, ведущие от базы к модулю и от модуля обратно к базе. Свежие — пыль еще не занесла их полностью.

Кто-то был здесь до него. Совсем недавно. Может час назад. Может меньше.

Шэн медленно вылез из модуля. Солнце уже садилось за горизонт. На Марсе нет синих закатов — только красные, как кровь разбавленная водой. Он смотрел на следы и думал о

надписи на визоре Коэна. «Они не хотели чтобы мы вернулись». Кто — «они»? Земля? Кто-то на Земле кто отправил их сюда? Или кто-то здесь, на Марсе, прямо сейчас?

Он пошел обратно к базе. Ноги несли его сами, голова была пустая. Только одна мысль крутилась как заезженная пластинка: у нас четверо выживших, но следов на песке — пять.

Кто-то ходит по Марсу. И этот кто-то не хочет чтобы они вернулись.

За герметичным люком его ждали. Анна сидела с перевязанной рукой — перевязку сделал Кадзу, одной рукой, сидя на полу и матерясь сквозь зубы. Чан проверял датчики воздуха на единственной работающей панели. Кадзу пил воду из аварийного запаса, маленькими глотками как учили. Все они были живы и все смотрели на Шэна когда он вошел.

— Что там? — спросила Анна.

— Два модуля, — сказал Шэн, стягивая шлем. — Один разбит сильнее, второй вроде ничего. Топливо есть в обоих. Двигатели, возможно, рабочие — надо проверять. Системы жизнеобеспечения — посмотрим что можно восстановить.

— Ты видел что-то еще? Что-то странное?

Шэн посмотрел на нее. На Чана. На Кадзу. На каждого по очереди, задерживая взгляд. Они были теми кого он знал годами — они тренировались вместе в Хьюстоне и в Москве, ели вместе безвкусную еду из тюбиков, спали в соседних каютах на пути к Марсу. Он знал как пахнет пот Анны после беговой дорожки, знал как Кадзу поправляет очки когда устает, знал что Чан никогда не повышает голос даже когда зол как черт.

— Нет, — сказал Шэн. — Ничего.

Сел на пол, прислонился спиной к холодной стене. Закрыв глаза. В темноте за веками все еще горела эта надпись, впечаталась в сетчатку. «Они не хотели чтобы мы вернулись».

Он не сказал им о Коэне. Не сказал о надписи. Не сказал о следах. Потому что не знал кому из них можно верить. И это была самая страшная мысль за весь этот бесконечно длинный день.

Восемнадцать месяцев кислорода. Разрушенная база. Два разбитых модуля. И предатель среди них — один из этих троих.

Шэн открыл глаза. Красный свет марсианского заката проникал через трещину в стене, ложась на пол полосой похожей на кровавый разрез. Он смотрел на эту полосу и думал что самое трудное — не построить корабль из обломков. Самое трудное — дожить до старта и понять кому можно верить а кому нет.

Закрыв глаза снова.

Завтра начнется работа. А сегодня — сегодня он просто посидит в темноте, где не нужно никому врать и никому не нужно верить.

Через час Анна тихо запела. Что-то русское, тягучее, без слов — мелодия без текста. Шэн не знал языка, но понял сразу что это колыбельная. Она пела для себя, или для всех — трудно сказать. Песня звучала в разрушенной базе как звучит вода в пустыне: бесполезно для выживания, но необходимо для души.

Кадзу уснул сидя, свесив голову на грудь. Чан не спал — он смотрел в одну точку перед собой, перебирая в голове списки оборудования, запасов кислорода, возможных решений. Шэн знал этот взгляд: так смотрит человек который считает минуты до смерти и переводит их в секунды, потому что секунд больше и с ними легче управляться.

На Марсе ночь длится двенадцать часов. Она была холодной, темной и очень тихой — тише чем всё что можно себе представить.

Где-то там снаружи ветер нес красную пыль. Она оседала на мертвого Коэна который сидел в разбитом модуле с надписью на запотевшем визоре. Оседала на Мигеля который уже не проснется. Оседала на Стивенс которая сняла шлем чтобы остальные могли жить.

Она оседала на следы. Чьи-то следы. Пятые следы.

Восемнадцать месяцев.

Шэн не спал. Он ждал утра.

Утро на Марсе — это когда красный свет становится чуть светлее, почти незаметно. Никаких птиц, никакого ветра в привычном смысле, никаких звуков. Никаких надежд кроме тех что ты сделаешь сам.

Он встал первым, разминая затекшую спину. Подошел к консоли, провел пальцем по треснувшему экрану — тот отозвался, заморгал цифрами: кислород, давление, температура. Всё в пределах допустимого. Пока.

— Подъём, — сказал он тихо, но так чтобы все услышали. — Работаем.

И они начали работать. Потому что это всё что оставалось.

Никто из них не знал что убийца уже среди них. Что надпись на шлеме Коэна — не предсмертное послание отчаявшегося человека. Что следы на песке — не ошибка восприятия после контузии. Что кто-то из этих четверых пришел на Марс не для того чтобы вернуться домой.

Но Шэн начинал догадываться.

И это было хуже чем отсутствие кислорода.

Глава 2. Красный песок

Утро было холодным.

Шэн проснулся от того, что замерз. Скафандр он снял перед сном — в нем было невозможно спать, жесткие сочленения врезались в ребра. Теперь он лежал в одном термобелье на голом алюминиевом полу и дрожал как собака. Температура в отсеке упала до минус десяти, а может и ниже. Система обогрева не работала — она не работала вместе со всем остальным, что сгорело во время вспышки.

Он сел. Голова была тяжелая, будто налитая свинцом. Он не спал больше четырех часов — этого было недостаточно, но больше он не мог заставить себя лежать с закрытыми глазами. Организм требовал действий.

Анна спала в углу, свернувшись калачиком. Здоровой рукой она прижимала к груди сломанную, как будто баюкала ее. Ее лицо во сне было спокойным, почти детским. Шэн знал точно — она не спала вовсе. Она просто лежала с закрытыми глазами и ждала утра. Он догадался по дыханию: слишком ровному, слишком контролируемому. Спящие так не дышат.

Кадзу спал сидя, прислонившись к стене. Его поврежденная нога была вытянута вперед, обмотана бинтами из аварийной аптечки — теми, что пропитаны антисептиком. Он был пилотом, и даже во сне его руки лежали на воображаемых рычагах управления — привычка которую не сломать ничем. Шэн видел это на тренировках много раз: Кадзу засыпал в кресле тренажера и руки сами находили нужное положение.

Чан не спал. Он сидел у входа, прислонившись спиной к люку, и смотрел прямо на Шэна. В его глазах не было ничего конкретного: ни страха, ни надежды, ни любопытства. Просто пустота, как у статуи.

— Ты не спал, — сказал Шэн.

— Спал. Два часа.

— Этого мало.

— Этого достаточно.

Чан отвернулся. Шэн знал что спорить бесполезно — Чан был упрямым до безобразия. Когда они тренировались в пустыне Невады, Чан прошел сорок километров без воды, потому что его напарник сломал ногу и Чан тащил его на себе до самого лагеря. Он не жаловался ни разу. Он вообще никогда не жаловался.

Шэн встал. Пол был ледяным, ступни сразу занули. Он натянул скафандр — долго, неуклюже, потому что пальцы не слушались и попадали мимо застежек. Застегнул гермозамок до щелчка. Надел шлем. Проверил подачу кислорода — загорелся зеленый огонек. Всё работало. Пока.

Он открыл люк и вышел наружу.

Марс был красным. Он всегда был красным, но по утрам этот красный казался особенно свежим — как кровь которая только что вытекла из раны. Солнце стояло низко над горизонтом, и его свет был бледным как умирающая лампочка в подьезде. Пыль висела в воздухе тонкой взвесью, оседала на скафандр, на шлем, на всё чего касалась. Шэн провел рукой по визору — на перчатке остался красный налет.

Он пошел к модулям.

«Икар-1» лежал на боку как мертвое животное. Корпус был пробит в трех местах, и края пробоин загнулись внутрь. Шэн обошел его кругом, считая повреждения. Восемь пробоин. Трещины по всей обшивке — мелкие, паутиной. Двигатель, тот что был виден снаружи, выглядел целым, но Шэн знал что внешность обманчива. Топливные магистрали могли быть перебиты внутри. Клапаны — заклинены. Электроника — сгореть.

Он полез внутрь через ту же пробоину что и вчера, цепляясь за края.

Коэн был там же. Он не переместился за ночь. Мертвые на Марсе не перемещаются — они просто сидят или лежат там где их застала смерть. Шэн посмотрел на него дольше чем вчера. Коэн был инженером, хорошим инженером. Они вместе работали над системой регенерации воды, Коэн придумал как уменьшить вес фильтров на тридцать процентов — гениальная идея, ее даже хотели запатентовать. Теперь он сидел в кресле, и его гениальность никому не нужна.

Надпись на визоре была там же. «Они не хотели чтобы мы вернулись». Шэн протянул руку и стер ее — просто провел перчаткой по пластику. Пластик был холодным. Надпись исчезла, но осталась в памяти. Такое не стирается.

Он обыскал модуль методично, отсек за отсеком.

Топливные баки были целы — два бака с жидким водородом, один с жидким кислородом. Датчики показывали заполнение на шестьдесят процентов. Этого было достаточно. Достаточно для чего? Шэн не знал. Он не знал сколько топлива нужно чтобы долететь до Земли с Марса. Он не знал как рассчитать траекторию без компьютера. Он не знал многих вещей, и это бесило его больше всего. Но он знал главное: топливо — это жизнь. Без него они умрут здесь, даже если построят корабль из чистого золота.

Двигатели нашлись в задней части модуля. Два двигателя — основной и резервный. Оба выглядели целыми снаружи. Шэн проверил сопла — никаких трещин. Проверил турбонасосные агрегаты — внешне целы. Но внутренности он проверить не мог, для этого нужен был диагностический комплекс, который превратился в груды металлолома в центральном отсеке базы.

Он вылез наружу, отряхнулся. Прошел ко второму модулю.

«Икар-2» был в лучшем состоянии. Он лежал на днище — не перевернулся как первый, просто накренился под углом градусов тридцать. Корпус был цел, за исключением нескольких вмятин на обшивке. Выходной люк был открыт — кто-то уже побывал здесь. Шэн заглянул внутрь.

Внутри был порядок. Ну, относительный порядок: стулья сорваны с креплений, консоли вырваны, провода свисают с потолка как кишки из распоротого живота. Но трупов не было. И надписей не было. Здесь был просто разбитый корабль, который можно починить при должном усердии.

Шэн сел в кресло пилота — оно скрипнуло, но выдержало. Посмотрел на приборную панель. Она была мертвой — ни одного огонька, ни одного показания. Но панель это просто пластик и микросхемы. Микросхемы можно заменить, пластик можно склеить. Было бы время.

Он закрыл глаза и представил.

Представил как они перетаскивают двигатели с «Икара-1» на «Икар-2» — вручную, на канатах, в марсианской гравитации это возможно. Как восстанавливают систему управления, спаивая провода и заменяя сгоревшие блоки. Как герметизируют корпус, заделывая каждую трещину. Как проверяют топливные магистрали под давлением. Как запускают двигатели — зажигание, форсунки, пламя. Как поднимаются в небо. Как летят домой.

Всё это было возможно. Всё это было реально, хоть и с мизерным шансом. Но для этого нужно было время. Много времени. Времени у них было восемнадцать месяцев — и это если датчик не врет.

Он открыл глаза, вылез из модуля, пошел обратно к базе.

По дороге он увидел следы. Вчерашние следы — свои и чужие. Сегодняшние — только чьи-то, не его. Чужие следы вели от базы к «Икару-1» и обратно. Шэн насчитал три пары. Кто-то ходил туда-сюда три раза. Вчера ночью. Пока он пытался спать. Пока Анна притворялась что спит. Пока Чан сидел у люка и смотрел в темноту.

Он остановился. Посмотрел на следы внимательно. Потом на базу. Потом снова на следы.

Следы были свежими. Не вчерашними — сегодняшними. Кто-то вышел из базы сегодня ночью, пока все формально спали. Кто-то прошел к «Икару-1», залез внутрь, пробыл там минут двадцать, потом вернулся. Потом сходил еще раз. Потом еще. Три ходки.

Шэн опустил на колено прямо в пыль. Потрогал след рукой в перчатке — песок был плотным, утрамбованным, почти как влажная земля. След был четким, хорошо пропечатанным. Ботинок был стандартным — такой же как у всех членов экипажа. Размер — средний. Не отличить.

Он выпрямился, пошел дальше.

Внутри базы было тепло. Не потому что обогрев заработал — потому что кто-то нашел аварийный тепловентилятор и включил его. Тепловентилятор стоял в центре отсека и гудел, разгоняя теплый воздух. Вокруг него сидела Анна, протянув руки к решетке — как у костра.

— Кто нашел вентилятор? — спросил Шэн, стягивая шлем.

— Кадзу, — сказала Анна. — Он ползал по модулям пока ты спал. Еще до того как ты проснулся. Нашел в хозяйственном блоке, там где хранился запасной инвентарь. Говорит, там еще много чего есть: батареи, инструменты, запасные шланги для системы жизнеобеспечения.

Шэн посмотрел на Кадзу. Тот сидел в углу, большая нога вытянута, лицо спокойное. Слишком спокойное для человека который пережил крушение и потерял двоих коллег.

— Ты выходил на поверхность ночью? — спросил Шэн прямо.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы найти вентилятор. И другие вещи. Запасные фильтры, инструменты — всё что может пригодиться.

— Один?

— Анна не может ходить с такой рукой. Чан спал — или мне показалось что спал.

— Ты сам не можешь ходить. У тебя растянута нога, ты ею даже пошевелить не можешь.

Кадзу посмотрел на Шэна долгим взглядом. В его глазах не было ни вины, ни страха. Было что-то другое — что-то, что Шэн не мог прочитать при всем желании. Кадзу был японцем, а японцы умеют прятать эмоции так глубоко, что их не видит даже детектор лжи. Шэн не был детектором лжи.

— Я ходил, — сказал Кадзу. — Медленно. Опираясь на обломок трубы. Я взял ее снаружи, у обшивки. Она служит мне костылем.

Он показал на трубу. Труба лежала рядом — ржавая, с острыми краями, замотанная синей изолентой чтобы не резала руку. Изолента была свежая.

— Ты ходил к «Икару-1»?

— Да. Там есть запасные фильтры для системы очистки воды. Я хотел проверить целы ли они — если мы собираемся здесь жить, вода нам нужна чистая.

— И?

— Целы. Я принес три штуки. Они в тамбуре, можешь проверить.

Шэн прошел в тамбур. Там действительно лежали три фильтра — пластиковые цилиндры в заводской упаковке, с маркировкой на китайском и английском. Новые, нераспечатанные. Никаких следов саботажа или вскрытия. Просто фильтры.

Он вернулся в отсек.

— Ты ходил туда три раза, — сказал Шэн. — Я видел следы на песке. Три пары следов, отчетливых.

Кадзу молчал несколько секунд. Потом кивнул.

— Три раза, — подтвердил он. — Первый раз — за фильтрами. Второй раз — за вентилятором, он тяжелый, я не мог тащить всё сразу. Третий раз — за инструментами. Но инструменты я не нашел, они наверное в «Икаре-2».

— Почему ты не разбудил меня? Я бы помог.

— Ты спал. Тебе нужен был сон — у тебя гематома на затылке, Анна сказала что возможно сотрясение. Если ты не будешь отдыхать, ты совершишь ошибку.

— Ты не знаешь что мне нужно.

Кадзу посмотрел на него — и в его глазах мелькнуло что-то похожее на грусть. Но только на секунду, потом снова исчезло.

— Я знаю, — сказал он. — Тебе нужно чтобы кто-то работал пока ты отдыхаешь. Потому что если ты не будешь отдыхать, ты совершишь ошибку. А если ты совершишь ошибку — мы все умрем. Поэтому я не разбудил тебя. Поэтому я ходил сам. Медленно, опираясь на трубу, с большой ногой — но ходил. Чтобы ты поспал лишний час.

Шэн сел напротив него. Смотрел долго, изучающе. Кадзу не отводил взгляд. Это было хорошим знаком. Или плохим — Шэн уже сам не знал чему верить.

— Ладно, — сказал он наконец. — Верю.

Он не верил. Но он не мог позволить себе недоверие — не сейчас, не здесь, не когда им предстояло построить корабль из обломков, а убийца (если он был) ждал своего часа.

Повернулся к Анне.

— Как рука?

— Болит. Но я могу работать. Одна рука — не приговор, я уже приспособилась.

— Ты медик. Ты должна проверить всех на предмет скрытых травм — внутренних кровотечений, сотрясений, всего что может убить нас через неделю.

— Уже проверила. У Чана синяки на ребрах, но переломов нет — я прощупала, он дергался но не кричал. У Кадзу растяжение связок, как он и сказал, ничего не сломано. У тебя гематома на затылке размером с грецкий орех — ты ударился головой при крушении. У тебя может быть сотрясение мозга, легкое или средней тяжести. Ты должен отдыхать а не носиться по модулям.

— Я отдохну когда построю корабль.

Анна хотела возразить — открыла рот, но не стала. Она знала Шэна не первый год. Если он что-то решил, переубедить его невозможно. Это было его силой и его проклятием одновременно.

Они составили план на ближайшие дни.

План был простым, как всё что реально работает в космосе. Сначала — инвентаризация: собрать всё что осталось от базы и двух модулей. Инструменты, материалы, электронику, трубы, кабели, датчики, клапаны, насосы, фильтры. Всё что можно использовать для строительства нового корабля. Каждую гайку, каждый метр провода.

Потом — проектирование. Нужно придумать как из этого хлама собрать корабль который сможет долететь до Земли и не развалиться по дороге. Шэн знал что конструкция будет уродливой как Франкенштейн. Знал что шансы на успех — меньше пятидесяти процентов, может сорок, может тридцать. Но даже тридцать процентов — это лучше чем ноль.

Потом — строительство. Шесть месяцев работы без выходных. Может восемь. Может все десять. Потом — запуск, если доживут. Потом — полет, если топлива хватит. Потом — надежда, если она еще останется к тому времени.

Разбились на пары. Шэн и Чан берут «Икар-2». Анна и Кадзу — «Икар-1» и базу. Кадзу не мог ходить быстро, но мог сидеть и разбирать электронику — руки у него были золотые. Анна могла работать одной рукой: она была левшой, а сломана была левая ключица, но она быстро переучилась на правую. Люди на Марсе переучиваются быстро — или умирают.

Шэн вернулся на «Икар-2» вместе с Чаном.

Они работали молча, каждый в своем углу. Чан не любил разговаривать во время работы — он вообще не любил разговаривать. Шэн не любил разговаривать с теми кому не доверял. Они разбирали отсек управления: выкручивали болты, отсоединяли кабели, сортировали годное в левую кучу, негодное в правую. Работали как машины — методично, без эмоций.

Через два часа Шэн нашел аварийный маяк.

Маяк был маленьким, размером с кулак, в оранжевом пластиковом корпусе. Он был рассчитан на подачу сигнала в течение тридцати суток после активации. Шэн нажал кнопку включения — ничего не произошло, даже лампочка не загорелась. Маяк был мертв, как и всё что содержало микросхемы. Солнечная вспышка сожгла их все до единой.

— Бесполезно, — сказал Чан не оборачиваясь.

— Не бесполезно. Внутри есть радиодетали — отдельные, не на чипах. Мы можем использовать их для самодельного передатчика. Собрать что-то примитивное, на лампах или транзисторах.

— Ты умеешь делать передатчик из радиодеталей?

— Нет. Но научусь.

Чан ничего не сказал — только хмыкнул и вернулся к работе.

К вечеру они составили список необходимого. Тридцать семь наименований оборудования и материалов. Двенадцать из них — критически важные, без которых корабль не полетит: двигатели, топливные баки, турбонасосы, клапаны подачи топлива, система управления вектором тяги, система жизнеобеспечения замкнутого цикла, теплозащита, навигационный блок, аварийная связь. Всё это нужно было восстановить из обломков двух разбитых модулей.

Всё это было возможно — теоретически.

Шэн сел на обломок переборки, снял шлем. Воздух в отсеке был холодным но чистым — фильтры которые принес Кадзу работали исправно. Пыль осела, можно было дышать не кашляя.

Он посмотрел на Чана. Чан сидел напротив, тоже без шлема. Его лицо было грязным — красная пыль въелась в каждую морщину, в каждую пору. Ему было сорок пять, он был старше всех в экипаже. Он видел больше. И молчал больше.

— Чан, — сказал Шэн негромко. — Ты веришь Кадзу?

Чан поднял глаза. Посмотрел на Шэна долгим взглядом. Подумал — он всё делал медленно, но основательно.

— Нет, — сказал он наконец.

— Почему?

— Потому что он слишком спокоен. Человек который чуть не погиб при крушении должен быть напуган — это нормальная реакция. Или зол. Или хотя бы в шоке, как Анна когда ты ее нашел. Кадзу не напуган, не зол, не в шоке. Он просто спокоен, как буддийский монах.

— Может, он хорошо контролирует себя. Он пилот, их учат.

— Может. Но я не верю людям которые слишком хорошо контролируют себя в такой ситуации. Это неестественно. А в космосе неестественное поведение — первый признак опасности.

Шэн кивнул. Он думал примерно так же, но не хотел чтобы Чан знал об этом. Не потому что не доверял Чану. А потому что теперь он не доверял никому — вообще никому, включая самого себя.

Они вернулись в базу когда снаружи начало темнеть.

Анна и Кадзу уже были на месте. Они разобрали хозяйственный блок — нашли еще два вентилятора, три запасных батареи, пять баллонов с кислородом, двадцать туб с едой и полную аптечку в герметичном контейнере. Все лекарства на месте, даже обезболивающее не просрочено.

— Хорошая работа, — сказал Шэн, осматривая добычу.

— Мы сделали что могли, — сказала Анна. — Кадзу не может ходить, я не могу поднимать тяжести одной рукой. Но то что внутри базы — мы разобрали полностью.

— Завтра будем разбирать двигатели. Это самое сложное.

Анна посмотрела на него устало. В ее глазах была глубокая, застарелая усталость — не физическая, душевная. Она видела как умирает Стивенс. Она знала что могла оказаться на ее месте. Она знала что может оказаться на ее месте завтра или через неделю. И все равно работала, не жалуясь.

— Ты видел Коэна? — спросила она вдруг.

Шэн замер. Внутри что-то оборвалось.

— Откуда ты знаешь про Коэна?

— Я была в «Икаре-1» сегодня, когда тебя не было. Кадзу не мог залезть внутрь сам — нога болит, ему высоко. Я залезла. И увидела его. Он сидит в кресле, мертвый.

— Ты видела надпись на визоре?

— Какую надпись?

Шэн посмотрел на нее внимательно. Она не врала. Он умел отличать ложь от правды — во всяком случае, ему так казалось после стольких лет работы с людьми. Анна смотрела на него открыто, без страха, без желания что-то скрыть или недоговорить.

— Никакой, — сказал Шэн. — Я просто спросил.

Он не стал рассказывать про надпись. Не сейчас. Может, вообще никогда. Потому что если Анна не видела ее — значит кто-то стер надпись. Кто-то кто был в «Икаре-1» после Шэна. Кто-то кто не хотел чтобы остальные знали то что знал Коэн перед смертью.

Кто-то кто ходил по тем следам сегодня ночью.

Поужинали. Еда была стандартной космической: тюбики с паштетом, сублимированный рис который заливают горячей водой, растворимый кофе. Всё пахло химией и пластмассой. Но это было теплое. Это давало силы и калории.

После ужина Шэн вышел наружу — подышать воздухом из баллона, привести мысли в порядок.

Ночь на Марсе была черной как уголь. Звезд было очень много — гораздо больше чем на Земле, где атмосфера съедает половину света. Никакого светового загрязнения, никакой луны — только бесконечная россыпь огней, каждый из которых был солнцем для кого-то далекого и неведомого.

Он смотрел на звезды и думал о Коэне.

Коэн не должен был быть на «Икаре-1». По плану полета он должен был находиться на «Икаре-2». Распределение экипажа утвердили за три месяца до старта, и Шэн помнил его наизусть — он сам участвовал в составлении. «Икар-1»: Шэн, Анна, Мигель. «Икар-2»: Кадзу, Стивенс, Коэн. Но Коэн оказался в «Икаре-1». Почему? Он что, поменялся с кем-то перед самым стартом? Может, его попросили. Может, Кадзу попросил. Может, это вообще было приказано с Земли, а экипажу не сообщили.

Или может Коэн знал что-то — что-то такое, за что его убили еще до крушения.

Шэн тряхнул головой. Он не имел права так думать. Убийство — это тяжелое слово, его нельзя разбрасывать направо и налево. Они были астронавтами, а не уголовниками. Они тренировались годами, прошли сотни тестов и проверок. Они были лучшими из лучших. Они не могли быть убийцами.

Но надпись на шлеме была. И следы на песке были. И Коэн был мертв — и не от солнечной вспышки.

Шэн повернулся и медленно пошел обратно к базе, подсвечивая путь фонарем на шлеме.

У входа он увидел фигуру. Она стояла неподвижно, прислонившись к люку. Шэн узнал силуэт — Чан. Чан стоял и смотрел на него, скрестив руки на груди.

— Не спишь? — спросил Шэн подходя.

— Нет.

— Что-то случилось?

— Ничего. Просто охраняю вход.

— От кого?

Чан посмотрел на него. В темноте его лицо было неразличимо — только глаза блестели. Но Шэн чувствовал его взгляд: тяжелый, долгий, изучающий.

— От того кто ходит по ночам, — сказал Чан.

Они помолчали. Марсианский ветер — если эту разреженную дрянь можно назвать ветром — нес пыль, и она скрипела на скафандрах как наждачная бумага.

— Ты тоже видел следы, — сказал Шэн. Это был не вопрос, а утверждение.

— Да.

— И ты думаешь что это Кадзу?

— Я думаю что это кто-то из нас. Кто-то кто ходил ночью к «Икару-1» и обратно, пока все делали вид что спят. Кадзу признался что ходил, и это хорошо. Но он сказал что ходил за фильтрами и вентилятором. Зачем ему ходить три раза? Он мог взять всё за один — фильтры легкие, вентилятор тоже, у него была труба-костыль и работающие руки.

— Может он не мог унести всё сразу. Может хотел проверить что там еще есть.

— Мог унести. Фильтры весят по полкило, вентилятор — килограмма три. Инструментов он не нашел, сам сказал. Зачем ему третий раз?

Шэн не знал. Это было плохо — он как неформальный лидер должен был понимать что происходит вокруг. Но он не понимал, и от этого внутри холодело.

— Будем наблюдать, — сказал Шэн после паузы. — Ты — за Кадзу. Я — за Анной.

— Думаешь это может быть Анна?

— Я думаю что это может быть кто угодно. Включая тебя.

Чан кивнул — и не обиделся. Обижаться на Марсе было некогда и не на что. Тут чувства — роскошь непозволительная.

Они вошли внутрь. Кадзу спал на своем месте. Анна спала в углу, свернувшись. Вентилятор гудел ровно, тепло растекалось по отсеку. Всё было мирно, спокойно — почти как дома.

Шэн лег на пол не снимая скафандра. Теперь он не мог позволить себе роскошь спать раздетым. Если кто-то придет ночью — он должен быть готов вскочить и обороняться.

Закрыв глаза. Но не спал — просто лежал и слушал дыхание. Свое собственное, гулкое в шлеме. Анны — ровное, спокойное. Кадзу — чуть хриловатое, он простыл наверно. Чана — тяжелое, медленное.

Четыре дыхания. Должно было быть шесть. Мигель и Стивенс не дышали больше. Коэн не дышал, сидя в своем кресле с надписью на визоре. Три мертвых тела на Марсе. Четверо живых — пока.

Сколько будет завтра?

Он не знал. И не хотел знать. Он хотел просто строить корабль — просто работать, делать то что умеет: чинить, собирать, паять, клепать, затягивать болты. Но работа не шла на ум. В голове сидела одна мысль и крутилась как заезженная пластинка: «Они не хотели чтобы мы вернулись».

Кто — «они»?

Земля? Правительства которые финансировали экспедицию? Корпорации которые вложили миллиарды? Или один-единственный человек, который сейчас лежит в трех метрах от него и дышит так же ровно, как дышит спящий?

Шэн открыл глаза. В темноте он не видел ничего — только красный огонек на консоли, датчик кислорода. Он горел ровно, не мигая. Восемнадцать месяцев. Семьсот пятьдесят шесть тысяч минут. И каждая минута на счету.

Закрыв глаза снова.

Завтра они начнут разбирать двигатели. Завтра они сделают первый реальный шаг к возвращению домой. Завтра он будет следить за каждым словом, за каждым жестом, за каждым взглядом. Потому что предатель не спит. Предатель ждет.

И Шэн будет ждать вместе с ним.

В конце концов, на Марсе времени много. Особенно когда его почти не осталось.

Уснул под утро, когда красный свет начал просачиваться через трещину в стене. Сон был тяжелым, без сновидений — только красная пыль, которая засыпала всё вокруг: базу, модули, скафандры, лица. Красная пыль, которая не прощает и не забывает.

Когда проснулся — Чана не было на месте.

— Где Чан? — спросил Шэн, садясь и нашаривая шлем.

— Вышел, — сказала Анна, не поднимая глаз от перевязки. — Сказал что хочет проверить двигателя на «Икаре-1», что-то ему там не понравилось вчера.

Шэн вскочил. Надел шлем рывком, не проверяя герметизацию. Выбежал наружу.

Красное утро встретило его тишиной. Солнце стояло низко, как всегда. Пыль висела в воздухе, как всегда. Следы на песке вели к «Икару-1» — одна пара, свежая. Шэн побежал по ним, хрустя реголитом.

Влез внутрь через пробоину. Внутри было темно, горел только аварийный свет — тусклый, красноватый. Включил фонарь.

Чан стоял у кресла Коэна. Он смотрел на что-то в своей руке — что-то маленькое, металлическое, блестящее в луче фонаря.

— Что это? — спросил Шэн, подходя ближе.

Чан повернулся. Его лицо было бледным — не от страха, от гнева. Шэн никогда не видел Чана таким: желваки ходят, глаза сужены.

— Это, — сказал Чан глухим голосом, — деталь системы управления топливными клапанами. Кто-то вынул ее намеренно, аккуратно, еще до крушения. «Икар-1» не разбился из-за солнечной вспышки. Он разбился потому что кто-то его убил. Саботаж.

Чан разжал пальцы.

На ладони лежал маленький чип — весь оплавленный, но не от внешней вспышки. Оплавление шло изнутри, от короткого замыкания. Короткого замыкания которое кто-то устроил специально, перемкнув контакты.

Шэн смотрел на этот чип и понимал, что игра началась.

И правила в этой игре были простыми как гвоздь: выживает только один.

Глава 3. Сломанные вещи

Чип лежал на ладони Чана — маленький, черный, оплавившийся с одного бока. Шэн взял его двумя пальцами, поднес к фонарю. На микросхеме не осталось маркировки: пластик расплавился в кашу, дорожки замкнуло наглухо. Но он знал эту деталь — узнал по форме корпуса, по расположению контактов. Это был контроллер системы ориентации. Без него «Икар-1» не мог стабилизироваться при входе в атмосферу. Без него падение было неизбежно с самого начала.

— Ты уверен? — спросил Шэн, хотя уже знал ответ.

— Я был системным инженером двадцать лет, — сказал Чан ровно. — Я знаю, как выглядит заводской брак. Знаю, как выглядит естественный износ — когда микросхема деградирует годами. И знаю, как выглядит саботаж. Это саботаж, Шэн. Слишком чисто сработано для случайности.

Чан говорил спокойно. Слишком спокойно для человека, который только что нашел доказательство того что их хотели убить. Шэн посмотрел на него долгим взглядом, изучая лицо.

— Ты нашел его здесь? — спросил Шэн.

— Да. Под креслом Коэна. Он выпал когда модуль трясло при ударе — наверно из разбитой консоли или из технологического люка. Если бы не выпал, мы бы никогда его не нашли. Он бы сгорел вместе с остальной электроникой, и никто бы ничего не узнал.

— Или его подбросили.

Чан замер. Посмотрел на Шэна — и в его глазах мелькнуло что-то острое. Обида? Гнев? Шэн не разобрал.

— Ты думаешь, я подбросил? — спросил Чан, и голос его стал на полтона ниже.

— Я думаю, что мы не знаем ничего. Мы знаем только что чип здесь, в «Икаре-1». Мы не знаем, как он сюда попал. Может, он выпал из разбитой консоли при ударе — как ты и сказал. Может, его вынули до старта, еще на Земле. Может, его положили здесь вчера, пока мы все спали.

— Зачем? Какой смысл подбрасывать улику?

— Чтобы отвлечь внимание. Чтобы мы начали подозревать друг друга и перестали работать. Чтобы мы тратили время на догадки а не на строительство корабля.

Чан молчал несколько секунд, сжимая и разжимая кулаки в перчатках. Шэн видел что ему больно — не физически, морально. Чан был человеком фактов, он не привык сомневаться в том что видел собственными глазами. А теперь ему говорили что факты могут врать.

— Ладно, — сказал Чан наконец. — Спрячем чип пока. Не будем никому говорить.

— Нет. Будем говорить. Но не всё.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы скажем остальным что нашли поврежденный контроллер. Что он выглядит как результат перегрузки во время солнечной вспышки. Это правда — он действительно перегружен. Но мы не скажем что это может быть саботаж.

— Почему?

— Потому что если мы скажем — начнется паника. Люди начнут шарахаться друг от друга, перестанут работать, запрутся по углам. А паника убивает быстрее чем вакуум. Быстрее чем голод. Быстрее чем что угодно.

Чан кивнул. Он понимал — он всегда понимал такие вещи без лишних объяснений.

Они вылезли из модуля через пробоину. Солнце уже поднялось выше, и Марс был красным, холодным и бесконечным — как всегда. Шэн посмотрел на горизонт. Там, за кратером, не было ничего — только пустыня, только пыль, только смерть которая терпеливо ждет тех кто не построит корабль вовремя.

Вернулись в базу.

Анна сидела над вентилятором, грея руки — здоровую и больную. Кадзу возился с электроникой в своем углу: разбирал консоль управления, отсоединял провода пинцетом, сортировал микросхемы по маленьким контейнерам. Работал быстро, несмотря на больную ногу. Пальцы у него были ловкие, как у хирурга — каждое движение точное.

— Что нашли? — спросила Анна, поднимая голову.

— Контроллер системы ориентации, — сказал Шэн, протягивая чип. — Полностью сгорел. Вот, смотри.

Анна взяла чип здоровой рукой, покрутила, поднесла к свету лампы.

— Похоже на перегрузку, — сказала она задумчиво. — Солнечная вспышка могла такое сделать? Теоретически?

— Могла, — сказал Шэн. — Если бы чип не был экранирован. А он был — «Икары» проектировали с тройной защитой от радиации, мы сами это проверяли перед стартом. Чтобы сжечь контроллер, нужен был либо прямой удар плазмы, либо короткое замыкание внутри блока.

— Короткое замыкание?

— Да. Например, если бы кто-то замкнул контакты. До старта или во время полета.

Анна посмотрела на него — и он увидел что она все поняла. Она была умной женщиной, иногда слишком умной.

— Ты думаешь, это не случайность? — спросила она тихо.

— Я думаю что мы должны рассмотреть все варианты. Все до одного.

Кадзу поднял голову от своих плат. Его лицо осталось бесстрастным — ни удивления, ни страха. Но глаза были очень внимательные. Он смотрел на чип, на Шэна, на Чана, потом снова на чип — как будто что-то вычислял.

— Покажи, — сказал он.

Шэн передал чип ему. Кадзу долго разглядывал его, поворачивая в пальцах. Потом понюхал — прямо поднес к носу и втянул воздух. Потом лизнул, коснувшись языком оплавленного пластика. Шэн поморщился — лизать микросхемы было опасно, там могла быть какая-нибудь химия из расплавленного компаунда.

— Что ты делаешь? — спросил Шэн.

— Проверяю запах гари и вкус, — сказал Кадзу будничным тоном. — Если бы чип сгорел от внешней вспышки, пахло бы в основном озоном и расплавленным кремнием — сладковатый такой запах. Если от внутреннего короткого замыкания — пахло бы медью и горелым пластиком.

— И?

— Здесь пахнет медью и пластиком. И вкус соответствующий. Это короткое замыкание, Шэн. Не вспышка.

Кадзу положил чип на пол перед собой. Посмотрел на Шэна в упор.

— Кто-то убил «Икар-1», — сказал он отдельно. — Не природа, не случайность. Человек.

В отсеке стало так тихо, что даже вентилятор вроде загудел тише. Анна смотрела в пол. Чан смотрел на Кадзу. Кадзу смотрел на Шэна. Шэн переводил взгляд с одного на другого.

— Это не обязательно значит что убийца среди нас, — сказал он наконец. — Саботаж могли организовать с Земли. Кто-то из технического персонала на космодроме. Кто-то из инженеров-сборщиков. Кому-то могли заплатить чтобы он испортил модуль перед стартом.

— Зачем? — спросила Анна, поднимая глаза. — Зачем кому-то срывать миссию, в которую вложили десятки миллиардов?

— Не знаю. Политика, деньги, конкуренция между корпорациями. Личная месть кому-то из экипажа. Много причин может быть, мы не на Земле чтобы расследовать.

— Мало причин убивать шесть человек, — сказал Чан мрачно.

Шэн пожал плечами:

— Люди убивают и за меньшее. Ты сам знаешь.

Они помолчали. Тишина была тяжелая, вязкая, как кисель. Каждый думал о своем. Шэн знал о чем они думают — они думали: «А если убийца все-таки среди нас, то кто?» Они смотрели друг на друга украдкой и не находили ответа. Потому что все они были профессионалами, все прошли психологические тесты на совместимость, все были друзьями годами. Или казались друзьями.

— Мы не решим это сейчас, — сказал Шэн твердо. — Нам нужно работать, это приоритет номер один. Если мы не построим корабль, неважно кто убийца — мы все умрем, и он вместе с нами. Поэтому работаем. Все вопросы и подозрения оставляем на потом.

— На какое потом? — спросила Анна.

— На то когда у нас будет готовый корабль. Тогда и разберемся.

Анна хотела возразить — открыла рот, набрала воздуха. Но не стала. Она понимала логику: сначала выживание, потом правосудие. Если они не выживут — правосудие никому не понадобится.

Распределили задачи на день.

Шэн и Чан берут двигатели «Икара-2»: демонтировать, проверить, подготовить к переносу. Это была самая тяжелая физическая работа. В марсианской гравитации двигатели весили примерно треть от земного веса — но все равно оставались огромными кусками металла, которые нужно было открутить, отсоединить от топливных магистралей, вытащить из модуля и перекантовать к базе.

Анна и Кадзу — системы жизнеобеспечения: фильтры, насосы, баллоны с кислородом, регенераторы воды. Всё это нужно было собрать в центральном отсеке базы который пока держал давление.

— Работаем по десять часов, — сказал Шэн. — Перерыв на обед — двадцать минут. Сон — шесть часов, не меньше. И никаких ночных выходов наружу.

— Почему никаких? — спросил Кадзу, подняв бровь.

— Потому что ночью мы должны отдыхать, восстанавливаться. В темноте легче ошибиться — споткнуться, пережать не тот шланг. А ошибка в нашем положении это смерть. Не только для того кто ошибся, но для всех.

Кадзу кивнул. Он понял — Шэн сказал «ошибка», но имел в виду «убийство». Он не хотел чтобы кто-то бродил ночью пока остальные спят. Не хотел чтобы повторилась прошлая ночь, когда неизвестный трижды ходил к «Икару-1» и обратно.

Начали работать.

Двигатели «Икара-2» стояли в хвостовой части модуля. Доступ к ним был через технический люк, который заклинило при ударе — повело раму. Шэн потратил почти час чтобы открыть его при помощи лома и матерных слов. Потом еще час чтобы открутить крепления — они были намертво затянуты и прикипели. Чан работал молча, подавал инструменты, страховал когда Шэн висел на гаечном ключе всем весом.

Шэн любил эту работу — странно, но правда. Когда ты чинишь сломанные вещи, мир становится понятным и простым. Есть проблема, есть решение. Нужно просто приложить руки и голову. Здесь нет места сомнениям, нет места страху, нет места мыслям о том кто кого убил. Здесь есть только болты, гайки, провода и клапаны. Ты или можешь их починить, или нет. И Шэн мог — это он знал точно.

Первый двигатель сняли к обеду. Он был тяжелый, килограмм триста в земном эквиваленте — но на Марсе чуть больше ста. Шэн и Чан вдвоем перекатили его на тележке к выходу из модуля, потом вытащили наружу. Двигатель лежал на красном песке как огромная серебряная гусеница, поблескивая на солнце. Сопло было целое — ни царапины. Турбонасос выгля-

дел рабочим. Датчики встроенные в корпус показывали нули — электроника умерла, но механика осталась живой.

— Хороший, — сказал Чан, погладив корпус рукой в перчатке. — Работает.

— Ты не можешь знать работает ли он пока не включишь.

— Могу. Я слышу его. Слышу как он дышит.

Шэн посмотрел на него с удивлением. Чан не шутил. Он действительно слышал что-то — может вибрацию от ветра, может щелчки расширяющегося на солнце металла, а может просто воображение. Но Шэн научился доверять чутью Чана за эти годы: Чан никогда не ошибался в технике, вообще никогда.

— Тогда второй, — сказал Шэн.

Второй двигатель был в худшем состоянии. Его крепления погнулись при ударе, и он сместился на несколько сантиметров в сторону. Топливная магистраль оказалась пережата — металлическая трубка сплющена как соломинка. Если бы они попытались запустить его в таком состоянии, клапан заклинило бы сразу, и двигатель взорвался бы факелом.

— Чинить или менять? — спросил Чан, осматривая повреждение.

— Менять. У нас есть третий двигатель на «Икаре-1», я его видел — выглядит целым. Заберем его завтра.

— А если он не цел внутри?

— Тогда будем чинить этот. Но это дольше.

Сняли второй двигатель к вечеру, когда солнце уже начало садиться и тени стали длинными. Шэн устал так как не уставал никогда в жизни. Скафандр натирал плечи в одних и тех же местах. Перчатки стерли пальцы до кровавых мозолей — надо будет замотать пластырем. Он хотел есть, пить, спать, и именно в таком порядке. Но сначала нужно было доложить.

Вернулись в базу.

Анна и Кадзу сделали за день больше чем он ожидал. Система жизнеобеспечения была почти полностью восстановлена: фильтры работали, насосы тихо гудели, давление в отсеке поднялось до 0,8 атмосферы — почти норма. Можно было ходить без шлема, и это было счастье.

— Еще неделя — и у нас будет полноценная атмосфера, комфортная, — сказала Анна, вытирая лоб здоровой рукой. — Я нашла три баллона с кислородом в дальнем хозяйственном блоке, подключила их к системе. Запас увеличился.

— На сколько?

— На два месяца примерно. Итого у нас теперь двадцать месяцев кислорода.

Это было очень хорошо. Двадцать месяцев — это на два больше чем восемнадцать. Каждый дополнительный день был подарком судьбы. Шэн кивнул, чувствуя как внутри чуть-чуть отпускает напряжение.

— Кадзу, как электроника?

Кадзу сидел в своем углу, окруженный микросхемами, проводами и платами как дракон своим сокровищем. Он работал как одержимый — пальцы двигались с такой скоростью что Шэн не успевал следить за ними.

— Плохо, — сказал Кадзу честно. — Вся электроника которая не была экранирована — сгорела полностью, до нуля. Экранированная — тоже пострадала частично, процентов сорок вышло из строя. Я отсортировал то что можно попробовать восстановить. Примерно тридцать процентов от общего объема.

— Тридцать процентов — это очень мало.

— Но достаточно для полета. Нам не нужны все системы, понимаешь? Нам нужны только критические: навигационный компьютер, управление двигателями, аварийная связь, контроль жизнеобеспечения. Всё остальное — роскошь без которой можно обойтись. Теплые полы, развлекательная система — это подождет до Земли.

— Связи у нас нет и не будет пока мы не починим антенну.

— Антенну я посмотрю завтра. Обещаю.

— Ты не можешь ходить, Кадзу. У тебя нога как бревно.

— Я могу ползать. Антенна на крыше базы, там лестница есть. Я залезу потихоньку.

Шэн посмотрел на его ногу. Даже через бинты было видно что она распухла и посинела — растяжение явно усугубилось от того что он ходил прошлой ночью. Но Кадзу не жаловался, ни разу. Он вообще никогда не жаловался — и это пугало Шэна больше чем если бы он кричал от боли.

— Ладно, — сказал Шэн. — Но я пойду с тобой. Не один полезешь.

— Боишься что я упаду?

— Боюсь что ты сделаешь что-то о чем потом пожалеешь.

Кадзу посмотрел на него долгим взглядом — и Шэну показалось что в его глазах мелькнуло понимание. Он кивнул. Шэн сказал «упадешь», но имел в виду «убьешь». И оба это знали.

Ужин прошел в молчании. Еда была та же — тубики с паштетом, сублимированный рис с овощами, растворимый кофе. Но сегодня даже эта безвкусная еда казалась почти вкусной — усталость притупляла рецепторы, или наоборот обостряла, Шэн не разобрался уже.

Анна ела медленно, маленькими кусочками, как воробей. Она берегла желудок — после травмы он работал плохо, ее мучило от любой тяжелой пищи. Кадзу ел быстро и эффективно, как солдат — ложка за ложкой, без эмоций. Чан не ел вовсе: он сидел с закрытыми глазами, прислонившись спиной к стене, и кажется медитировал. Или просто спал с открытыми глазами — так тоже бывает.

После ужина Шэн вышел наружу один.

Ночь была холодная, звезды — яркие до рези в глазах. Он сел на обломок стены, снял шлем на пару минут, вдохнул ледяной воздух. Перед лицом тут же образовалось облачко пара. Но воздух был чистым — спасибо фильтрам Кадзу.

Он думал о чипе. О чертовом оплавленном чипе который лежал теперь в кармане его скафандра.

Если чип действительно вынули до крушения — значит убийца готовил саботаж еще на Земле, за несколько дней до старта. Это означало что он или она знали о миссии всё: расписание, план полета, технические детали модулей. Значит это был кто-то из тех кто проектировал, строил, тестировал «Икары». Или кто-то из тех кто летел.

Шэн перебирал в голове имена и отбрасывал одно за другим.

Коэн — мертв. Исключается. Мигель — мёртв. Исключается. Стивенс — мертва. Исключается.

Остаются четверо: он сам, Анна, Чан, Кадзу.

Он знал их всех много лет. Знал что Анна до ужаса боится высоты — странный страх для астронавта, но она научилась его контролировать на тренировках. Знал что Чан коллекционирует редкие монеты — у него дома в Шанхае целая комната с витринами, и он всем показывал фотографии. Знал что Кадзу играет на скрипке — он даже брал ее с собой на МКС в прошлую экспедицию и играл в невесомости, и звук был необычный.

Он знал их биографии, знал психологические портреты из личных дел, знал привычки, слабости, страхи. Но он не знал главного: кто из них способен убить товарища.

Потому что убийца не похож на убийцу — это Шэн понимал отчетливо. Убийца это не монстр из фильма ужасов. Убийца это обычный человек который в какой-то момент решает что чужая жизнь стоит меньше чем его собственная цель.

Шэн достал из нагрудного кармана скафандра маленький блокнот — он всегда носил его с собой для записей, чертежей и расчетов. Открыл на чистой странице, написал четыре имени: Кадзу. Анна. Чан.

Под каждым — факты, только то что он знал наверняка, без домыслов и предположений.

«Анна. Медик. Специалист по радиационной защите. Была на МКС дважды. Не замужем, родители живы. Любит готовить — вечно нас пирогами кормила на тренировках. Боится высоты. Сломана левая ключица — не может поднимать тяжести. Но ходить может свободно. Могла ли убить Коэна? Технически — да. Но зачем? Мотив?»

«Чан. Системный инженер. Специалист по двигательным установкам. Был на МКС трижды. Женат, есть дочь. Коллекционирует монеты. Не боится ничего — или очень хорошо скрывает. Испытывает явную неприязнь к Кадзу. Мог ли убить Коэна? Мог. Но зачем? Мотив?»

«Кадзу. Пилот. Специалист по навигации. Был на МКС четырежды. Не женат, родителей нет. Любит скрипку. Патологически спокоен. Не чувствует боли — или не показывает. Ходил ночью к „Икару-1“ — признался. Мог ли убить Коэна? Мог. И возможно — убил».

Шэн посмотрел на список, подумал. Потом зачеркнул свое имя жирной линией — самого себя он не мог подозревать, это было бы смешно. Если он убийца — значит он сумасшедший. А сумасшедшие не знают что они сумасшедшие. Или знают?

Убрал блокнот обратно в карман.

Завтра нужно будет снимать третий двигатель с «Икара-1». Завтра нужно будет проверить антенну с Кадзу. Завтра нужно будет смотреть в глаза этим людям и делать вид что он им верит, хотя не верит никому из них.

Встал, пошел в базу.

Внутри было тепло — вентилятор старался. Анна спала на своем месте в углу, свернувшись. Кадзу спал на спине, вытянув больную ногу. Чан не спал — он сидел у стены и смотрел прямо на Шэна.

— Ты долго, — сказал Чан.

— Думал. О разном.

— О чем?

— О том как строить корабль. Из чего сделать несущую раму.

— Не врешь?

— Немного.

Чан кивнул. Он умел принимать ложь, особенно когда она была во благо — или он думал что во благо.

— Ложись спать, — сказал Чан. — Я посторожу пока.

— Ты не спал прошлой ночью. И эту тоже не спишь.

— Посплю завтра днем. Когда Кадзу будет на антенне, а ты с ним.

Шэн не стал спорить. Лег на пол прямо в скафандре, положил шлем под голову вместо подушки. Закрыв глаза. В темноте за веками все еще горела та надпись с визора Коэна: «Они не хотели чтобы мы вернулись».

Уснул быстро, провалился как в яму. Сон был глубоким, без сновидений. Когда проснулся — прошло около четырех часов по внутренним часам. Чан сидел на том же месте в той же позе. Он не спал. Но он смотрел не на Шэна — он смотрел на Кадзу.

— Что? — спросил Шэн шепотом, приподнимаясь.

— Он не спал, — так же шепотом ответил Чан. — Два часа лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок. Я следил.

— Может просто не мог уснуть. У него нога болит.

— Может. А может ждал когда мы уснем. Чтобы выйти.

— И?

— И не дождался. Я не спал, он знал что я не сплю. Поэтому не вставал, продолжал лежать.

Шэн сел, потер лицо ладонями. Посмотрел на Кадзу — теперь тот спал, кажется по-настоящему. Дыхание глубокое и ровное, лицо спокойное, рот приоткрыт. Выглядел как человек у которого нет секретов и никогда не было. Но это ничего не значило.

— Я подежурю сейчас, — сказал Шэн. — Поспи хоть пару часов.

Чан хотел возразить — открыл рот, но Шэн остановил его жестом.

— Серьезно, поспи. Если ты рухнешь от недосыпа, мы останемся без главного инженера. А я один не потяну и двигатели и системы.

Чан кивнул, лег на пол, положил руку под голову. Уснул буквально за тридцать секунд — это было особое умение, которому учат в космической программе. В космосе каждая минута сна на счету, поэтому засыпать нужно мгновенно.

Шэн остался один.

Сидел в полутьме и слушал. Вентилятор гудел ровно. Где-то в стенах пощелкивали трубы — расширились от тепла. Три дыхания вокруг: спокойное, размеренное, живое.

Его собственное дыхание было слишком частым. Он заставил себя дышать медленнее — вдох на четыре секунды, задержка, выдох на четыре секунды. Так учили на тренировках по выживанию: когда паника подступает к горлу как ком, нужно просто дышать медленно. Кислород успокаивает мозг, это физиология.

Думал о Коэне.

Коэн был хорошим парнем, простым и веселым. Любил шутить про еду, любил пиво — на Земле, конечно, в космосе алкоголь запрещен. Обещал себе что после миссии купит дом на берегу океана и будет сидеть на веранде с бутылкой пива и смотреть на закат. А теперь сидел в разбитом модуле мертвый и смотрел в потолок невидящими глазами.

Думал о Стивенс. Она сняла шлем сама, добровольно — чтобы остальные могли жить, не тратя время на ее спасение. Это было героически, так обычно пишут в отчетах. Но это было и подозрительно: может она сняла шлем потому что знала что-то? Может боялась что ее убьют позже, и решила уйти сама? Или наоборот — она сама была убийцей и не хотела чтобы ее разоблачили?

Нет, бред. Стивенс была биологом, она любила жизнь во всех ее проявлениях. Она не могла убивать.

Или могла.

Шэн тряхнул головой чтобы отогнать эти мысли. Слишком много думал в одну сторону. Подозрения — это яд, они разъедают мозг быстрее чем радиация. Нужно работать, строить корабль, восстанавливать системы. Всё остальное — потом, после.

Просидел так до самого утра. Когда первые лучи марсианского солнца просочились через трещину в стене — тонкие такие, красноватые — он встал и разбудил остальных.

— Работаем, — сказал он громко. — Сегодня тяжелый день.

Сегодня они должны были снять двигатель с «Икара-1». Это было опаснее чем вчера: модуль лежал на боку под углом, внутри было темно и тесно как в гробу. Но третий двигатель был нужен позарез — без него у них оставалось только два, а для корабля который должен долететь до Земли нужно минимум три: два для основных маневров и один резервный.

Пошли втроем — Шэн, Чан и Анна. Кадзу оставили в базе: его нога распухла еще больше, стала сине-черной, он не мог наступать вообще.

— Не ходи никуда один, — сказал ему Шэн перед выходом. — Сиди здесь и работай с электроникой. Мы вернемся через три-четыре часа максимум.

— Я буду разбирать платы, — сказал Кадзу, не поднимая головы. — У меня тут работы на неделю.

— И не выходи наружу без необходимости.

— Не выйду. Куда я пойду с такой ногой.

Шэн посмотрел на него долгим взглядом, пытаясь понять — врет или нет. Потом кивнул и вышел. Он не верил ему. Но выбора не было.

Зашли в «Икар-1» через ту же пробоину. Внутри было холодно как в морге — система обогрева не работала уже третьи сутки. Скафандры спасали от переохлаждения, но пальцы в перчатках все равно немели через полчаса. Шэн включил налобный фонарь.

Тело Коэна все еще было в кресле пилота — в той же позе, с теми же открытыми глазами. Анна посмотрела на него и побледнела — даже сквозь визор было видно.

— Мы не можем его так оставить, — сказала она тихо. — Нужно похоронить по-человечески.

— Похороним когда снимем двигатель, — сказал Шэн. — Сейчас не до этого, соггу.

— Он был человеком, Шэн. Не просто телом.

— Он был человеком, и мы его уважали. Но сейчас он мертвое тело, а мы живые. И если мы не снимем двигатель — нас станет больше. Гораздо больше.

Анна хотела возразить что-то резкое — но не стала. Она понимала и Шэн это видел. Но понимание не убирало боль, оно только делало ее осознанной.

Начали работать.

Доступ к двигателю был через узкий технический отсек — настоящая нора, обмотанная трубопроводами. Шэн влез туда первым, извиваясь как червяк. Вокруг были трубы, клапаны, жгуты проводов. Он откручивал крепления одно за другим, матерясь сквозь зубы. Чан подавал инструменты снаружи. Анна держала фонарь и светила в люк.

Через полтора часа двигатель был свободен.

— Тащи, — скомандовал Шэн, вылезая из люка весь в красной пыли.

Вытащили двигатель наружу втроем. Он был тяжелый даже для марсианской гравитации — килограмм двести как минимум. Шэн и Чан тянули за тросы, Анна светила и подсказывала где порог. Пот заливал глаза, перчатки скользили по металлу, мышцы дрожали от напряжения.

Дотащили до базы. Положили рядом с двумя другими — теперь у них было три двигателя в ряд, как три серебристых кита выброшенных на красный берег. Топливо для них есть, система управления — если Кадзу сможет восстановить хотя бы половину. Корабль начинал обретать форму в голове Шэна, из разрозненных обломков складывался в нечто целое.

— Еще пара таких дней как этот, и мы соберем всё необходимое для сборки, — сказал Чан, тяжело дыша. — Потом начнем строить корпус.

— Два дня, — повторил Шэн. — Два дня и мы будем на полпути.

Он не договорил фразу. Хотел сказать «к дому», но не сказал. Потому что дом был слишком далеко чтобы произносить это слово вслух. Двести миллионов километров — это не расстояние, это приговор.

Вернулись в базу.

Кадзу сидел на том же месте что и три часа назад. Вокруг него прибавилось разобранных консолей — еще две. Он работал быстро, даже слишком быстро для человека с одной рабочей ногой.

— Как успехи? — спросил Шэн, стягивая шлем.

— Хорошо. Я нашел полностью рабочий процессор. Один пока. Этого достаточно для навигационной системы.

— А для управления двигателями?

— Нужен второй процессор, аналогичный. Я ищу по всем завалам.

Шэн сел рядом с ним прямо на пол, посмотрел на его работу. Кадзу был аккуратен до педантичности: каждый провод подписан маркером, каждая микросхема разложена по отдельным пластиковым контейнерам с этикетками. Он работал как часовщик собирающий механизм — все движения выверены.

— Кадзу, — сказал Шэн тихо. — Ты знал Коэна близко?

Кадзу не поднял головы, продолжая паять контакты.

— Знал. Мы вместе тренировались три года.

— Вы были друзьями?

— Мы были коллегами. Хорошими коллегами.

— Ты знаешь почему он оказался в «Икаре-1», а не во втором модуле?

Кадзу остановился. Поднял голову, посмотрел Шэну прямо в глаза.

— Он попросил меня поменяться, — сказал он спокойно. — За день до старта. Подошел вечером и сказал что хочет быть с Мигелем, они старые друзья по аспирантуре. Спросил не против ли я.

— И ты что ответил?

— Я сказал: «Как скажешь, мне без разницы». И поменялся. Написали заявление о перераспределении, командир утвердил.

— Ты не спрашивал почему он именно в последний день решил?

— Нет. Его дело.

— Это же странно — меняться за день до старта после полугода подготовки и распределения.

— Люди меняются, Шэн. У них бывают причины. Это не преступление.

— Нет, не преступление. Но это повод задуматься.

Кадзу помолчал секунду, потом отвернулся и продолжил паять. Разговор был окончен.

Шэн встал, отошел к Анне. Она сидела у вентилятора, перебирая аптечку и раскладывая лекарства по срокам годности.

— Анна, — спросил он тихо чтобы Кадзу не слышал. — Ты помнишь кто именно менялся модулями перед стартом?

— Да, хорошо помню. Коэн и Кадзу. Коэн попросил поменяться, Кадзу согласился без вопросов. Я была в том же помещении когда они обсуждали.

— Тебе это не показалось странным тогда?

— Честно? Нет. Коэн очень хотел быть с Мигелем, они правда были близкими друзьями. Мигель его еще в университете учил. А Кадзу... Он всегда говорит «как скажете». Ты сам знаешь, он сто раз так говорил.

Шэн кивнул. Он вспомнил: Кадзу действительно всегда говорил «как скажете» — на любые предложения, на любые планы. Он был удобным человеком. Всегда удобным, всегда согласным. Слишком удобным.

Отошел к стене, сел, закрыл глаза.

Если Коэн сам попросил поменяться — значит он хотел быть именно на «Икаре-1». Зачем? Может он знал что этот модуль обречен и специально пошел на смерть? Или наоборот — думал что «Икар-2» разобьется, а первый уцелеет?

Если Кадзу так легко согласился поменяться — значит он хотел быть на «Икаре-2». Зачем? Может знал что второй модуль уцелеет при посадке? Или наоборот — хотел чтобы Коэн погиб, и поэтому не стал возражать?

Слишком много вариантов. Слишком мало фактов чтобы выбрать один.

Шэн открыл глаза, встал.

— Пойду проверю антенну, — сказал он. — Чан, ты со мной?

Чан кивнул молча, поднялся.

Вышли наружу. Антенна стояла на крыше базы — точнее должна была стоять: огромная тарелка диаметром двенадцать метров, развернутая к Земле. Теперь она лежала на боку врезавшись в склон кратера, кабели порваны в клочья, отражатель помят в нескольких местах как консервная банка.

— Чинить или менять? — спросил Чан деловито.

— Чинить. Другой антенны у нас нет.

Подожли ближе. Шэн осмотрел повреждения методично: отражатель можно выправить домкратом, кабели — спаять по одному, электронику настройки — заменить теми платами что нашёл Кадзу.

— Сделаем, — сказал Шэн. — Но не сейчас. Сейчас приоритет — корабль, а связь вторична.

Пошли обратно к базе, и по дороге Шэн снова увидел их. Следы. Свежие следы на песке, поверх вчерашних. Они вели от базы к «Икару-1» и обратно — одна четкая цепочка. Кто-то выходил сегодня, пока они втроем работали с двигателем. Пока Кадзу был один в базе.

Шэн остановился как вкопанный. Посмотрел на следы, потом на базу, потом на Чана.

— Чан, — сказал он глухо. — Кто-то выходил наружу сегодня. Час назад, может меньше.

— Я знаю, — сказал Чан.

— Почему не сказал сразу?

— Хотел посмотреть заметишь ли ты.

— И?

— Заметил. Это хорошо.

Чан развернулся и пошел дальше. Шэн смотрел ему в спину и чувствовал как внутри всё сжимается. Он не знал верить ли Чану. Он не знал верить ли хоть кому-то в этой проклятой базе.

Пошел за ним.

Внутри всё было спокойно с виду. Кадзу сидел над электроникой, низко нагнувшись к плате. Анна перебирала аптечку, раскладывая бинты по размерам. Вентилятор гудел ровно. Всё как обычно, всё как вчера.

Но Шэн знал что это не так. Что-то изменилось. Что-то стало другим, и он пока не мог понять что именно.

Сел на пол, снял шлем тяжелыми руками. Вдохнул воздух — он был чистым по показаниям датчиков, но почему-то казался тяжелым. Тяжелым от лжи, страха и подозрений которые висели в нем как пыль.

Посмотрел на Чана — Чан смотрел на Кадзу, не отрываясь. Посмотрел на Кадзу — тот не поднимал головы от работы. Посмотрел на Анну — она улыбнулась ему своей обычной улыбкой. Доброй, почти материнской.

Двадцать месяцев кислорода. Четыре человека. И один убийца среди них.

Игра продолжалась, и ставки в ней были простыми: жизнь.

Глава 4. Тишина перед полётом

На четвертый день после крушения Шэн проснулся от того, что кто-то тронул его за плечо — легонько, но настойчиво. Он открыл глаза. Над ним стояла Анна, и лицо у нее было белое как мел, глаза широко раскрыты.

— Кадзу пропал, — сказала она шепотом.

Шэн сел. Посмотрел на место где спал Кадзу — там была пустота. Только вмятина на термоизоляционном коврик и скомканное одеяло в углу, как будто человек просто испарился.

— Когда ты видела его в последний раз?

— Часа четыре назад примерно. Он сказал что пойдет в туалет и скоро вернется. И не вернулся — я ждала, думала может ему плохо стало, пошла проверить. Нигде нет.

Шэн уже натягивал скафандр, путаясь в застежках. Чан был на ногах — он спал чутко как зверь, просыпался от любого шороха. Теперь он стоял у люка и всматривался в темноту через маленькое окошко.

— Следы есть, — сказал Чан не оборачиваясь. — Он вышел наружу, недавно.

— Один?

— Один. Цепочка одна.

— В скафандре?

— Да. Шлем взял, висел на крюке — теперь пусто.

Шэн подошел к люку, включил фонарь на шлеме. Луч выхватил из темноты красный песок и четкие отпечатки ботинок — глубокие, свежие, края еще не осыпались. Следы вели прямо к «Икару-2», это было видно даже отсюда.

— Идём, — сказал Шэн. — Быстро.

Вышли втроем. Ночь на Марсе была холодная — минус семьдесят, а то и ниже. Скафандры гудели системой обогрева, фонари резали темноту белыми лучами как прожекторы. Следы были свежие настолько что песок еще не успел осыпаться в углубления — может полчаса прошло, может меньше.

Дошли до «Икара-2». Люк был открыт нараспашку. Внутри горел свет — аварийный фонарь который Кадзу видимо взял с собой из базы.

— Кадзу! — крикнул Шэн в темноту люка.

Тишина. Только ветер снаружи шуршит пылью по обшивке.

Он влез внутрь первым. Чан за ним. Анна осталась снаружи — ее сломанная ключица мешала пролезать в узкие проходы, она бы просто застряла.

Внутри было пусто. Фонарь стоял на полу в центре отсека управления и светил в потолок. Инструменты разбросаны по полу — кто-то работал здесь недавно, причем торопливо. Шэн посмотрел на кресло пилота — пустое. На кресло второго пилота — тоже пустое.

— Его здесь нет, — сказал Чан.

— Вижу. Где он тогда?

— Может в «Икаре-1», пошел за чем-нибудь.

Вылезли наружу, пошли ко второму модулю. По дороге Шэн заметил странную вещь: следы Кадзу не вели к «Икару-1». Они обрывались прямо у входа в «Икар-2». Как будто он вошел внутрь — и исчез, растворился в воздухе.

— Это странно, — сказал Чан, наклоняясь над следами.

— Очень странно. Так не бывает.

Обыскали «Икар-1» от носа до хвоста. Тело Коэна все еще было в кресле — в той же позе, с теми же открытыми глазами покрытыми красной пылью. Никаких следов Кадзу: ни отпечатков, ни инструментов, ничего. Шэн проверил технические отсеки, топливные баки, даже туалетную кабинку. Пусто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.